

ПОЭТИКА ПРОМЕЖУТКА КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА*

В основе подхода Ярославы Ананко¹ к берлинским стихам В. Ф. Ходасевича — концепция «промежуток» Ю. Н. Тынянова. Это зафиксировано в подзаголовке книги — «поэтика промежуток» — и многочисленных рассуждениях об этом на страницах рецензируемого труда. В «Промежутке» Тынянов отвел Ходасевичу небольшую подглавку. Но дело не в объеме, а в широком контексте понятия «промежутки». В одной из своих последних работ Ю. М. Лотман придавал ему универсальный для русской культуры смысл: «Это то, что перестает быть, в столкновении с тем, что начинает быть».² Историю русской культуры Лотман рассматривал как «цепь взрывов»:³ крещение Руси, Петровская реформа, Октябрьская революция. Автор рецензируемой книги справедливо пишет: «...тыняновское понятие промежуток, подхваченное Лотманом, содержит „взрывной“ метарефлексивный потенциал» (с. 17).

Одна из парадигм эпистемы промежуток — это время одиночек и критической инерции. Ходасевич сравнивал себя с М. Цветаевой: «...остались навек одиночками, „дикими“», критики «не знают, куда нас приткнуть» (с. 9). Цветаева, выйдя из символизма, его преодолела, с оставанием экспериментировала то с московским вариантом акмеизма, то с авангардом, но оставалась в своих исканиях одна. Однако в поисках своего «я» разница Цветаевой с Ходасевичем есть: она безудержно рвалась все же в будущее («Поэма Воздуха» — апогей), Ходасевич оборачивался назад. Не случайно в Берлине Ходасевич входит в окружение М. Горького.

* Ананко Я. Каникулы Каина: Поэтика промежуток в берлинских стихах В. Ф. Ходасевича. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 320 с.

Работа выполнена в Институте мировой литературы имени А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 21-18-00131).

The work was done at A. M. Gorky Institute of World literature of the Russian Academy of Sciences with the support of the grant of the Russian Science Foundation (RSF, project number 21-18-00131).

¹ Научный сотрудник Института славыстики Берлинского университета им. Гумбольда.

² Лотман Ю. М. Тезисы к семиотике русской культуры // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 408.

³ Там же. С. 409.

Строки Тынянова в «Промежутке» («В стих, „завещанный веками“, плохо укладываются сегодняшние смыслы»)⁴ — своеобразная «подводка» к подглавке о Ходасевиче. Здесь и в следующем далее отзыве Тынянова о Ходасевиче («Его стих нейтрализуется культурой XX века»)⁵ тоже характерная черта эпистемы промежуток.

Ананко так понимает суждение Тынянова: «Ходасевич игнорирует <...> внутреннюю динамику <...> стиха и берет для своей поэзии только внешнюю, стабильную <...> „рамку“, столь любезную и узнаваемую читателем» (с. 26). Это происходит на фоне «распада литературной личности и автопоэтологического пакта» (с. 44). На фоне упадка поэтических течений появляются литературные одиночки: «...благодаря (само)изоляции фигура поэта аккумулирует субъект, который призван <...> искать (мета)поэтический „выход“ из промежуток» (с. 45). Ананко оперирует понятиями «поэтическое лицо» и «литературный персонаж» (с. 55). По ее мнению, помимо «автора», «повествователя» и «героя» «концептуальный персонаж» (Ж. Делёз) «включает в себя абсолютное лицо, идеальный субъект высказывания» (с. 64). Еще одна черта поэзии Ходасевича — «сумерки хронотопографии» (с. 65). В «Европейской ночи» Ходасевича исследовательница видит, как «артикуляция жизнетворческой неопределенности перекодируется в автопоэтологическую ревизию. Реализацией этой ревизии становится поэтика промежуток в берлинских стихах Ходасевича» (с. 82). После Берлина Ходасевич стихов не пишет — только прозу. В этом тоже можно увидеть тыняновское пророчество: «Промежутки» начинается с признания в литературе очередного верховенства прозы над поэзией.

Несколько загадочное название рецензируемой книги «Каникулы Каина» проясняется в главе «Каин в чистилище». Речь идет о трагедии «У моря». Из него выросли сборник «Европейская ночь» и его название: «Под европейской ночью черной / Заламывает руки он» (с. 83). Сначала цикл был обозначен как «Каин». Ананко считает его «главным героем и автопоэтологическим персонажем берлинской части „Европейской ночи“» (с. 84). В таком контексте убедительно и подробно разбирается каждое стихотворение из цикла. Здесь много ценных наблюдений. Одно из них касается завершающего, четвертого стихотворения («Изломала, одолевает / Нестерпимая ску-

⁴ Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 173.

⁵ Там же.

ка с утра»). В нем фиксируется тавтологический «сюжет фрондерства и фаталистического фланерства» (с. 116–125). В Каине видятся интертекстуальные черты от Фауста и Печорина до Передонова, в которого вселяется мелкий бес скуки. Устанавливается внешний культурный контекст цикла: «Каин» Байрона, его перевод Бунина, Гумилев («Потомки Каина»), Мережковский («Каинов дым»). К «каиномании» (с. 126) отнесены Адам, Прометей, Фауст, Гамлет, др. (с. 128).

Ананко рассматривает проблему «Ходасевич и Польша» (здесь тоже идет речь о Каине, Мицкевича), а одна из глав рецензируемой книги называется «Берлинский бестиарий». «Ходасевич собирает собственный <...> общеевропейский Зоо, заселенный <...> сверхъестественными существами и тварями, нелюдь и неогофмановской нечистью» (с. 164). Рядом с Зоологическим садом в Берлине селятся русские, как их называл в одном из писем Ходасевич, «зоологические эмигранты» (с. 165). В стихотворении Ходасевича «С берлинской улицы...» исследовательнице видятся «жизнетворческо-культурософские подтексты, свя-

занные с Белым» (с. 193). Символистское «золото» Андрея Белого («Золото в лазури») у Ходасевича «превращается в ироничную золотую желчь <...> болезненность». Здесь автобиографический подтекст, связанный с болезнью автора знаменитого стихотворения «Перед зеркалом»: «Разве мама любила такого, / Желтосерого, полуседого...». У Ананко неожиданное развитие этой темы: «...собачье-волчья образность развивает семантику <...> мутации поэзии в прозу; желчная заря „волчьей жизни“ постулирует приход новой (не)поэзии» (с. 198). В последующих двух главах Ананко рассматривает такие темы, как «Атлантида метрополии» (с. 210), «консервация взрыва», «сюжет суицидального форсирования фатального взрыва» (с. 242), «берлинский блуд и бред» (с. 260).

Один из выводов Ананко: в «Европейской ночи» «повествуется о том, как в критическом промежутке русской поэзии, в эмигрантско-каникулярном чистилище Берлина происходит растение и истление, разлад и распад — решающая автодеконструкция русского модернизма» (с. 294).

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-255-256

© О. Б. Карасик-Андайк, © И. Е. Лунина

ЖИЗНЬ И НАСЛЕДИЕ М. М. БАХТИНА В ДВУХ САРАНСКИХ МОНОГРАФИЯХ*

125-летие со дня рождения Михаила Михайловича Бахтина (1895–1975) — серьезный повод для того, чтобы присмотреться к достижениям отечественного бахтиноведения. Завершение в 2012 году Собрания сочинений мыслителя ознаменовало новый этап в изучении его научного наследия.

Две рецензируемые монографии появились в рамках проекта «Бахтинская энциклопедия», цель которого — осмысление и представление своего рода справочника идей, терминов, трудов М. М. Бахтина, определение биографической составляющей наследия ученого и его круга, выявление научных и историко-культурных контекстов.

* Михаил Михайлович Бахтин: Проблемы изучения биографии и научного наследия. Монография / О. Е. Осовский, В. Л. Махлин, В. И. Лаптин [и др.]; отв. ред. С. А. Дубровская. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. Вып. 1. 176 с. (Бахтинская энциклопедия: материалы); Михаил Михайлович Бахтин: Личность и наследие. Монография / О. Е. Осовский, В. П. Киржаева, С. А. Дубровская [и др.]; отв. ред. С. А. Дубровская. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2020. [Вып. 2.] 232 с.

Как указывается в предисловии к первой монографии, своей задачей авторы «видят реконструкцию „бахтинского пространства“, создание своего рода гипертекста, завершение которого обеспечит попадание читателя во „внутренний мир“ М. М. Бахтина, в историю его жизни и в историю его идей. Все это позволит понять те вехи диалога, которые разворачиваются у мыслителя в „большом времени“ не только с предшественниками и современниками (от Рабле до Достоевского, от Канта до Кассирера), но и с огромными пластами культуры» (с. 3).

Очевидно, что такая работа требует напряженного труда, поскольку сюжет почти каждой из статей для энциклопедии нуждался в специальном исследовании. Эти «рабочие материалы», представленные в форме научных статей, и послужили основой для рецензируемых книг. В этом, похоже, и причины некоторой «жанровой нестыковки»: обе монографии больше напоминают сборники научных статей. Впрочем, это не упрек рецензентов авторам, а скорее констатация факта, нередкого в сегодняшней научной жизни. Эта жанровая расплывчатость компенсируется новизной и важностью содержания.